

Чарльз Уиллинг Бейл

ТАЙНА ЗЕМЛИ

Ранняя Научная Фантастика

Чарльз Уиллинг Бейл
Тайна Земли
Серия «Золотой фонд
фантастики», книга 16
Серия «Ранняя зарубежная фантастика»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69495394
SelfPub; 2024*

Аннотация

"Тайна Земли" Чарльза Уиллинга Бейла – это роман, созданный в 1899 году и написанный в духе произведений знаменитого Жюль Верна. Невероятные приключения и путешествие двух братьев на новейшем летательном аппарате к неизведанным землям, что находятся под поверхностью Земли! В книге есть все, что так любит читатель, – смертельные опасности, неизвестные цивилизации и невероятная концовка. Путешествие двух братьев по полый Земле можно сравнить разве что с полетом на другую планету, настолько невероятные вещи им повстречаются!

Содержание

Пролог	4
Глава I	6
Глава II	19
Глава III	35
Глава IV	47
Глава V	61
Глава VI	72
Глава VII	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Чарльз Уиллинг Бейл

Тайна Земли

Пролог

Когда Дирк Ваайен, хозяин судна "Вурн", находился в пяти днях пути от острова Целебес, произошло странное событие.

Почти неделю голландец бездействовал с грузом какао, тростникового сахара, трепанга, кофе из Манадо, несколькими мешками мускатных орехов и другими продуктами архипелага, однако без каких-либо происшествий, о которых стоило бы рассказать, как вдруг впереди в море показался странного вида бочонок с мачтой и косым парусом, и все заволновались. Несколько крепких парней втащили бочку на палубу, рассчитывая на приз, но были разочарованы, обнаружив, что в ней всего лишь хлопчатобумажная ткань, в которую был аккуратно завернут грязный, заляпанный водой документ, написанный на языке, который никто не мог понять. Даже сам капитан Ваайен не смог прочесть ни слова, несмотря на свой мудрый взгляд и клубы дыма, которые он время от времени пускал над пачкой. Если бы он доверился мне, своему единственному англоговорящему пассажиру, я, по крайней мере, мог бы объяснить ему важность этой бума-

ги, даже если бы не смог сделать дословный перевод; но капитан угрюмо отнес сверток в свою комнату. Возможно даже, что он не понял, что это было написано на английском языке. Как бы то ни было, я был удивлен, когда по прибытии в Гаагу, где закончилось наше плавание, бумагу мне сунул в руки сам Ваайен, причем без единого слова объяснения. Полагая, что это всего лишь записи о каком-то несчастном судне, затонувшем в Южном море, я отложил пакет в сторону, не разворачивая его в течение нескольких недель. Когда же я это сделал, то был поражен его содержанием и немедленно отправился на поиски капитана "Вурна", но он ушел в очередное из тех бесконечных плаваний, продолжительность которых не смогла определить даже компания. Будучи уверенным, что на этот документ никогда не будет предъявлено никаких прав, и потрясенный глубиной его содержания, я предлагаю его вниманию общественности, будучи убежденным, что в истории нашей планеты нет ничего и наполовину столь поразительного, как содержащееся в нем откровение.

К сожалению, этот документ не может быть приведен полностью; пропуски, отмеченные звездочками, являются результатом повреждения соленой водой рукописи, что сделало ее неразборчивой в тех местах; общее количество потерянных таким образом страниц составляет более ста.

Ниже приводится точный перевод поддающихся распознаванию частей бумаг Этлбриджа, переданных мне капитаном "Вурна".

Глава I

Я буду писать вкратце о прошлом и более тщательно о настоящем. О прошлом, чтобы наша личность могла быть установлена на основании определенных событий, которые наверняка многие вспомнят, если мы потеряемся. О настоящем – по причинам, которые станут очевидны по мере того, как я буду излагать дальше.

Утром 16 ноября 1894 года я проснулся и обнаружил себя сидящим на узкой железной кровати в маленькой, плохо обставленной комнате. Обои на стенах покрылись плесенью, а потолок обесцветился от дыма. Я не мог вспомнить, где нахожусь, и громко позвал:

– Торренс!

Сонный ответ напомнил о сложившейся ситуации и заверил меня, что все в порядке. Торренс, который был моим братом-близнецом, занимал соседнее с моей кроватью место на противоположной стороне комнаты. Не желая его беспокоить, я тихо лежал и наблюдал за приближением рассвета через маленькое окно с венецианскими жалюзи, коленчатыми и сломанными. Позже я сам был разбужен проклятием, донесшимся с соседней кровати. Проклятие было размашистым, направленным на город, и сконцентрировалось в более насыщенном виде, когда достигло своего апогея – комнаты. Я улыбнулся и перевернулся.

– Рад, что ты наконец-то проснулся, – отважился сказать я, заметив, что он осматривает комнату с отвращением, равным моему собственному. Это был наш первый опыт знакомства с Лондоном. Мы были американцами и только что высадились. Торренс зевнул и заявил, что не спал всю ночь, несмотря на мои уверения, что он позорно храпел.

– Интересно, когда старушка потребует свою плату за все это убранство, – сказал он, ощупывая качество простыней и удрученно глядя в потолок. Действительно, мы имели право чувствовать себя удрученными, имея мало денег и не имея друзей в чужой стране.

– Она хочет получить ее как можно скорее, – ответил я, проконсультировавшись с хозяйкой дома по этому вопросу накануне вечером. – На самом деле, она сказала мне вчера вечером, когда мы поднимались по лестнице, что обычно требует, чтобы ее жилье было оплачено заранее, но поскольку мы американцы, она не будет настаивать, хотя она верит, что мы сможем рассчитаться за день или два.

– Она слишком доверчива. Возможно, мы вообще не сможем ей заплатить! – зевнул Торренс.

– Не говори так, ты меня пугаешь! – воскликнул я.

По правде говоря, я никогда не был таким смелым, как Торренс, который походил на меня только внешне, и когда он упомянул о нашем нищенском положении и его возможных последствиях, я содрогнулся. Инстинктивно я взглянул на два скромных сундука у стены и подумал, что в них хра-

нится большая часть нашего имущества. Я знал, что в обоих не хватит денег, чтобы оплатить наш обратный путь в Нью-Йорк, когда те небольшие деньги, которые мы взяли с собой, будут потрачены. Кроме того, мы сожгли мосты и должны были смотреть вперед.

Мы приехали в Англию по той же причине, по которой англичане иногда едут в Америку, чтобы заниматься своим ремеслом и зарабатывать на жизнь, и теперь, когда мы были здесь, я от души желал, чтобы мы вернулись. Мои глаза в каком-то задумчивом состоянии остановились на торцах сундуков, где большими белыми буквами были написаны наши имена – Торренс и Гуртри Этлбридж, соответственно. Потом я начал думать, смогут ли Этлбриджи когда-нибудь отличиться, и сможет ли кто-нибудь из нас когда-нибудь сколотить состояние в Вавилоне, который мы приняли как дом. Торренс был изобретателем, а я – писателем; и, как ни странно, имея столь разные склонности, мы с такой близнецовой гармонией умудрились одновременно и бесповоротно рассориться с нашими покровителями и нашим хлебом с маслом. Торренс сразу же решил принять довольно сомнительное предложение англичанина, с которым он переписывался, помочь ему в разработке его воздушного корабля, а я – ну, я решил пойти с Торренсом. Соответственно, мы собрали все деньги, какие могли, и распрощались с Готэмом. Мы сели на пароход для перевозки скота и провели на воде почти три недели, добравшись до Лондона днем, предше-

ствовавшим началу этой записи. Поиски дешевого жилья в умеренно респектабельной части города привели нас в описанную выше убогую квартиру.

Торренс снова потягивался, готовясь к подъему, но на этот раз его язвительные замечания были направлены на корабль, который нас доставил, и на ревущих зверей, которыми он был загружен. Не обращая внимания на невеселые воспоминания брата о "Галтике" и беспокоясь о будущем, я поинтересовался, сколько у него осталось денег. Его ответ не обрадовал.

– Около двадцати фунтов в этих белых бумажках, три маленьких золотых монетки и пару долларов серебром. Это по воспоминаниям прошлой ночи; но я должен встать и пересчитать их.

Мы вскочили с постелей в тот же миг и начали выворачивать карманы. Мы не были экспертами в оценке английских денег, но пришли к выводу, что у нас было чуть больше двухсот долларов, и что, находясь в незнакомой стране, без надежды на работу, нам следовало быть всегда на ногах. Мы решили не размениваться по мелочам, пока один или другой из нас не найдет работу. По предложению Торри я попросил нашу хозяйку отменить ее обычное правило о предоплате, но размышления заставили нас усомниться в мудрости такого шага.

– Она может подумать, что у нас денег меньше, чем есть на самом деле, – заметил я.

– Сколько времени, ты сказал, она нам дала? – спросил Торренс в ответ.

Я видел, что он был встревожен, а когда мой брат был встревожен, я, как правило, был встревожен еще больше. На самом деле, хотя мы и близнецы, я всегда опирался на него, полагаю, из-за молчаливого признания его превосходства, а он обладал способностями, превосходящими большинство людей. Отвечая на его вопрос, я сказал:

– Она не назвала конкретный день, но только отметила, что джентльмены обычно платят вперед, но поскольку мы американцы...

– Понятно, поскольку мы не джентльмены, а американцы, она подождет, пока не получит деньги. Как ты думаешь, что при таких обстоятельствах нам лучше сделать? Помни, что пара сотен долларов для двух мужчин, чтобы прожить, пока они не найдут работу в таком городе, это не очень большое богатство. Вспомни также поговорку о дураке и его деньгах. И что нам теперь делать с хозяйкой?

– Заплатить ей, – сказал я без колебаний.

– Но когда?

– Немедленно! Дадим ей на пару недель вперед, а потом, если нам понадобится еще парочка в долг, получить их будет легче.

Мы решили, что Торренс должен взять те средства, которые у нас были, и в своей непринужденной, благовидной манере произвести оговоренный платеж. У него был прекрас-

ный способ внушить людям мысль, что деньги для него не имеют никакого значения. Когда расчет был произведен, я был рад, что он это сделал, было очевидно, что миссис Твайт-хем была впечатлена. Я записываю эти пустяковые обстоятельства, чтобы показать наше фактическое состояние, а также для справки на будущее, если это когда-нибудь понадобится.

Покончив с этой маленькой сделкой, мы вышли на улицу, чтобы позаботиться о завтраке, который мы получили в соседнем ресторане. Путешествие обострило наши аппетиты, и мы съели еды на доллар за тревожно короткий промежуток времени, что, как мы договорились, не должно повториться. После завтрака, однако, мы почувствовали, что, начав день так обильно, вряд ли будет справедливо "обрезать углы у квадратного блюда", как заявил Торри, пренебрегая его надлежащим завершением, и поэтому мы купили пару больших сигар, а затем забрались на вершину одного из этих больших омнибусов с тремя лошадьми, чтобы попытаться.

Удивительно, насколько безразличны иногда бывают люди к расходам, когда от голодной смерти их отделяет лишь небольшое расстояние, и насколько скупыми они часто становятся, имея в своем распоряжении несметные богатства, и в каждом случае их здравый смысл осуждает выбранный курс.

Воздушный корабль моего брата в течение многих лет был

на пороге успеха. На него уже было потрачено целое состояние, и его друзья стали относиться к нему с подозрением. Все время требовались какие-то мелочи для усовершенствования механизма, который, несомненно, был триумфом изобретательского гения. Я не собираюсь описывать эту машину, да это и невозможно, поскольку я не механик и не ученый, просто скажу, что она была сделана из алюминия, имела форму увеличенного патрона, заостренного с обоих концов, поддерживалась в воздухе с помощью необычного открытия, нейтрализующего гравитационное притяжение, и приводилась в движение горизонтальным винтом, который можно было заставить вращаться с такой огромной скоростью, что даже самый сильный ураган был практически неэффективен. Пока были сделаны только модели машины, поскольку конструкция была слишком сложной и дорогостоящей, чтобы позволить создать полноразмерный аппарат, пока не будут отработаны все детали, но его последняя модель летала и была настолько близка к совершенству, что один английский джентльмен написал ему по этому поводу, предлагая помощь на определенных условиях. Это предложение можно было бы и не рассматривать, если бы не недовольство его покровителей в то время, но как бы там ни было, мы сразу же покинули Америку.

Фирма, которую мы искали, была "Уэтерби и Харт", дом № 3 по Кирби-стрит. Когда омнибус нес нас по переполненным людьми улицам, было заметно, что Торренс испытывает

беспокойство. На расстоянии все выглядело многообещающе, но по мере того, как приближалось время встречи, мы начали осознавать последствия провала усилий, направленных на то, чтобы вызвать интерес Уэтерби. Если он откажется помочь нам, мы не видели впереди ничего, кроме богадельни.

Выйдя из транспорта, нам предстояло пройти небольшое расстояние, и можно с уверенностью сказать, что мы заблудились менее чем за пять минут. Множество дорог и их лабиринтный характер сбивали с толку наше прямоугольное представление о городе, и после нескольких бесплодных попыток мы снова оказались на углу, с которого начали свой путь. Но упорство в конце концов победило, и мы представили перед дверной табличкой с надписью: "Уэтерби и Харт", изобретатели и патентные поверенные". В этот момент меня так угнетала мысль о предстоящем разговоре, что я пожелал, чтобы мы опять не потерялись.

Поднявшись по узкой лестнице, мы предстали перед стеклянной дверью с голубым бумажным занавесом внутри. Ошибки быть не могло: мы наконец-то пришли, потому что на панели крупными буквами было написано название фирмы. Внешний вид не свидетельствовал о богатстве, и наши сердца упали. За отсутствием электричества здесь был старомодный звонок, и я позвонил. На пороге появился мальчик с множеством латунных пуговиц, пришитых к испачканной куртке, и Торренс спросил, дома ли мистер Уэтерби.

– Нет, сэр, но мистер Харт здесь, – ответил мальчик.

Это было разочарование – между моим братом и названным джентльменом никогда не было переписки. Тем не менее, мы решили зайти, и, отдав свои визитные карточки мальчику, прошли в прихожую.

В помещении было мало мебели, и оно имело нищенский вид. На двух больших столах стояли модели, а стены были побелены и увешаны чертежами механизмов. Так как стульев не было, мы стояли и, не прикончив сигары, продолжали курить. Из внутреннего помещения, предположительно святилища владельцев, доносился глубокий, напыщенный голос. Вскоре вошел обладатель голоса. Это был человек с кустистыми бровями и квадратным подбородком.

– Ну, господа, что я могу для вас сделать? – величественно спросил он.

Мы были настолько ошеломлены, что никто из нас не знал, что именно он может сделать. Я думаю, Торри хотел спросить его, может ли он сделать сальто в полбушеля, которое он однажды видел в цирке, но что-то в моем лице, должно быть, остановило его. Я ждал, что Торренс ответит почтительно – очевидно, этот человек привык вызывать не только уважение, но и благоговение. Мой брат, однако, не торопился, и после пары затяжек сигарой, не двигаясь с места, сказал:

– Мистер Харт, я полагаю!

– Да, я мистер Харт. Вы хотели меня видеть?

– Ну, конечно! – ответил Торренс. – Я проделал столь длинный путь из Америки, желая увидеть именно вас, или, я бы сказал, вашего партнера, мистера Уэтерби.

Харт кашлянул и пару раз махнул рукой на воображаемое облако дыма.

– Я должен попросить вас прекратить курить. Это противоречит нашим правилам, – раздраженно заметил он.

– Конечно! – ответил Торренс, бросив огрызок сигары на кафельный пол и наступив на него. Никакой урны для таких случаев не было, и пол выглядел таким же грязным, как и улица, я последовал его примеру.

Харт позвал мальчика и велел ему собрать окурки и бросить их в колосник в соседней комнате. Мальчик сделал то, что ему приказали, и вернулся в святилище.

– Речь шла о деле, – начал я, заметив, что в самом начале нашей беседы ситуация складывалась не лучшим образом, и опасаясь последствий неблагоприятного впечатления. – Мы приехали по поводу воздушного корабля моего брата, и...

– И что, скажите на милость, вы подразумеваете под воздушным кораблем? – спросил Харт с видом надменного превосходства, который был скорее возмутительным, чем язвительным.

– Я предполагал, что вы, должно быть, слышали о нем, – рискнул заметить я.

– Слышал о воздушном корабле! Идея просто абсурдна! – воскликнул он.

– И все же, – сказал Торренс, – у меня есть один, который ваш партнер, мистер Уэтерби, хочет осмотреть и, возможно, приобрести, как меня убедили.

– Это невозможно! – воскликнул Харт, подняв подбородок выше и добавив к своему настроению еще больше неприязни. – Уэтерби – человек здравомыслящий, а эта вещь абсурдна!

Он повернулся на пятках, как бы собираясь уйти от нас, но спокойная, выдержанная манера моего брата остановила его.

– Я прошу прощения. У меня есть письма мистера Уэтерби, которые являются достаточным доказательством. Нам нужен капитал, чтобы придать этой идее практическую форму и коммерческую ценность, и я приехал в Лондон, чтобы найти его.

– Старая история. У вас, парни, всегда одно стремление. Вам нечем рисковать, но есть все, чтобы получить выгоду. Если вам удастся обмануть какого-нибудь дурака и заставить его осуществить ваши безумные планы, вы будете довольны. Но это, из всех абсурдов, самый нелепый, самый полный...

– И мистер Уэтерби никогда не говорил с вами о моем изобретении? – спросил Торренс, побледнев.

– Никогда! И вряд ли он станет это делать. Мистер Уэтерби – разумный и практичный человек.

– Возможно, именно его здравый смысл и практичность заставили его проявить такой интерес к моему патенту, и я

могу только выразить удивление, что он никогда не упоминал о нем вам. Но я не хочу вмешиваться, мистер Харт, и поскольку вы, несомненно, занятой человек, я просто хочу попросить вас сказать мне, где я могу найти вашего партнера, ведь я веду дела с ним.

— У мистера Уэтерби нет ни времени, ни желания говорить о такой ерунде, какую вы предлагаете, и поскольку мое время дорого, я должен пожелать вам доброго утра.

— Стоп! — вскричал Торренс, когда мужчина собрался уходить, — когда я пришел сюда, я ожидал найти джентльмена, но теперь признаю свою ошибку, и все же я собираюсь оказать вам честь, заключив пари, если у вас хватит духу принять его, в чем я сомневаюсь, но я здесь и сейчас предлагаю пари на тысячу фунтов против ста, что я доставлю вас в Париж на своем воздушном корабле через месяц!

Это было абсурдное хвастовство, учитывая, что у нас не было и пятидесяти фунтов стерлингов, а корабль не был построен, и мы зависели от "Уэтерби и Харт", чтобы получить деньги на его строительство. Но речь возымела свое действие, так как Харт немного ослабил свою надменную осанку и сказал с манерой, близкой к вежливости:

— Нет, джентльмены, вы никогда и никуда не повезете меня на своем воздушном корабле, и я не буду заключать с вами пари, но если вы твердо решили найти мистера Уэтерби, его адрес — Бунгало, Грейвсенд. Он редко бывает в этом офисе, и вы можете добраться до него на корабле или поезде.

Торренс записал адрес, и мы пожелали Харту доброго утра; мы были глубоко разочарованы, но в то же время довольны, что беседа не закончилась дракой.

На улице я заметил, что мой брат выглядел более озабоченным, чем я когда-либо видел его. Что будет с нами, если нам не удастся заинтересовать Уэтерби?

Глава II

Бунгало было причудливым, старомодным местом вне города или деревни. Дом стоял в саду, за садом находилось несколько полей, прилегающих к участку, а вдалеке разбросаны группы зданий, похожие на неудачную попытку основать деревню. На одном из полей стоял сарай, и по виду его окружения можно было сказать, что мистер Уэтерби был фермером, на владения которого посягнул авангард пригородных жилищ.

Мы прошли через железные ворота с надписью " Бунгало", сделанной латунными буквами между прутьями, и спустились по цементной дорожке, окаймленной самшитом, к зеленой двери, открывающейся прямо в дом. Крыльца не было, и вход был лишь на ступеньку выше дорожки. Нас провели в затхлую гостиную, где было сыро и холодно, хотя в решетке горел небольшой огонь. Окна были низкими и выходили в сад, но деревья были голыми, а цветы мертвыми. На стенах висели картины, на столах и камине стояли банки, в которых, как реликвии лета, были выставлены пучки увядших трав. Ковер и мебель были старыми и выцветшими. Дом не был похож на обитель богатства, и мы не видели никаких оснований для надежды. Заметив удрученное выражение лица Торри, я попытался утешить его тем, что некоторые из самых богатых англичан живут с минимальной показной

роскошью.

– Я знаю это, – ответил он, глядя вверх. – Может быть, этот человек и стоит миллион, но я в этом сомневаюсь.

В доме раздался кашель, и послышался приближающийся звук чьей-то трости. Через минуту дверь открылась, и в комнату вошел старик, согнутый почти вдвое и опирающийся на трость.

– Вас двое! Я ожидал увидеть только одного, – пробормотал он, ковыляя по ковру без лишних приветствий, а затем, подцепив рукояткой трости ножку стула и подтащив его к огню, добавил:

– Присаживайтесь.

– Мой брат приехал со мной, поскольку мы всегда жили вместе, – сказал Торренс в качестве объяснения, – хотя я послал только свою личную карточку, поскольку переписывались мы с вами. Надеюсь, вы здоровы, мистер Уэтерби, и эта сырая погода не будет вам в тягость.

Уэтерби хрюкнул и ткнул пальцем в огонь.

– Ничто не вызывает у меня недовольства, – сказал он через минуту. – Я закалился в этом климате за восемьдесят лет. Он сделал все возможное, чтобы убить меня, и потерпел неудачу".

Затем с мрачной улыбкой он добавил:

– Моя фигура уже не так хороша, как раньше, но я не тщеславен, мистер Этлбридж, я не тщеславен.

– Полагаю, вы страдали от ревматизма? – предположил я,

в порядке разговора.

Очевидно, он меня не услышал, так как занимался выгребанием золы из колосниковой решетки. Когда он закончил, он сказал:

– Вы прилетели из Америки на своем воздушном корабле?

Торренс рассмеялся.

– На этот раз нет, мистер Уэтерби, но я рассчитываю вернуться на нем, – ответил он.

– Прекрасная уверенность! Великолепная уверенность! – воскликнул Уэтерби. – Что ж, я рад этому, без нее ничего не достигается.

Старик оперся головой на руки, а локтями уперся в колени. Он не мог сидеть прямо. Его волосы были седыми, а лицо морщинистым; он выглядел на свой возраст. Конечно, он был совсем не таким, как ожидал Торренс.

– Полагаю, вы взяли с собой модель, – продолжал Уэтерби, – вы, янки, очень умело обращаетесь с такими вещами.

Очевидно, это был комплимент.

– Нет, – ответил Торренс, – я не думал, что это необходимо. Перевозка была бы дорогостоящей, и я знал, что, если вы настаите, ее можно отправить вслед за мной. Моя последняя попытка была неудачной в некоторых незначительных деталях, что потребовало бы тщательной переборки деталей с повторной настройкой. Сейчас я абсолютно владею предметом, и я подумал, что с вашей помощью я мог бы сразу

построить полноразмерное судно. Больше нет необходимости тратить деньги на модели, поскольку следующая машина будет летать в полном размере.

Мистер Уэтерби слегка приподнял голову.

– Почему вы в этом уверены? – спросил он.

– Потому что моя последняя модель летала, – ответил Торренс.

– И все же вы признаете, что произошла ошибка.

– Была небольшая ошибка в расчетах, которая помешала получить мощность, которую я надеялся развить, но я знаю, где была ошибка, и могу ее исправить. Все мои планы и формулы при мне. На карту не поставлен какой-либо жизненно важный фактор. Дело гарантировано, вне всяких сомнений.

– А какого размера будет судно, которое вы предполагаете построить? – спросил Уэтерби.

– Моя идея состоит в том, чтобы построить корабль для практической воздушной навигации, способный перевозить полдюжины пассажиров с их багажом. Длина такого судна будет около шестидесяти футов, ширина – десять футов, а наибольшая высота – около одиннадцати футов.

– И сколько времени потребуется на строительство такого судна?

– Если все будет под рукой, и все необходимые средства будут получены, я бы сказал, что на это потребуется около шести недель.

Фигура старика приобрела удивительную прямогу. Его

глаза засияли ярким светом. Я видел, что мой брат производит впечатление, и надеялся на удачный поворот дел.

– А что вы сказали о вероятной стоимости такой машины? – спросил Уэтерби, его спина все еще не расслабилась.

– Я про это еще не говорил, – ответил Торренс, – но, насколько мне известно, при условии, что труд и материалы здесь не дороже, чем у нас на родине, я полагаю, что машина может быть подготовлена к эксплуатации, скажем, за двадцать тысяч долларов.

Глаза Уэтерби были пристально устремлены на огонь. Он выглядел даже более заинтересованным, чем можно было предположить по самым смелым ожиданиям.

– Это... дайте мне разобраться! – пробормотал он.

– Около четырех тысяч фунтов, – ответил я.

– И вы гарантируете результат?

– Мистер Уэтерби, – сказал Торренс, придвигая свой стул немного ближе к стулу инвестора, – у меня нет средств, чтобы дать юридическую гарантию, но вот что я скажу – я абсолютно уверен в успехе, что потрачу имеющиеся у меня несколько фунтов на рабочую модель, при условии, что вы обещаете мне, в случае успешной демонстрации принципа, предоставить в мое распоряжение необходимые средства для постройки и оснащения судна указанных размеров. Но позвольте мне повторить свое заверение, что такая модель будет пустой тратой времени и денег. У меня есть большая порция доказательств, подтверждающих все, что я говорю.

Тут Уэтерби покинул свое кресло и зашагал по комнате без трости. Казалось, он забыл о ней. Вдруг он остановился и, опираясь на стол, заметно дрожа, сказал:

– А что, если это не удастся?

– В таком случае я буду единственным проигравшим! – ответил Торренс. – Но это не может провалиться. У меня нет ни малейшего страха перед этим.

Волнение старика было заразительным. Наконец-то мы нашли выход из затруднительного положения, бальзам на душу от всех разочарований. Я представил себе воздушный корабль, парящий над сушей и морем, чудо века, и моего брата, восхваляемого как гения века. Я слышал его имя на устах будущих поколений и представлял себе небо, уже заполненное сверкающими флотами от горизонта до горизонта. За всем этим я видел несметные богатства и новую эру процветания для всех людей. Мой полет воображения был прерван долгим протяжным вздохом Уэтерби, когда он пробормотал:

– Четыре тысячи фунтов! Ах! Если бы я только мог их достать!

Мечта о блаженстве была прервана грубым пробуждением. Я был встревожен. Что имел в виду этот человек?

– Если бы я только мог достать их! – повторил он со вздохом, который, казалось, исходил из глубины его души. Затем он, ковыляя, вернулся к огню и снова сел на свое место. Я наблюдал за Торренсом, с лица которого исчезла всякая радость. Он был мрачен, как никогда прежде.

Уэтерби снова устался в угли. Он забыл о своем окружении. Ни Торренс, ни я не разговаривали, надеясь, что он обдумывает, как лучше собрать деньги. Тишина была зловещей. Часы в углу бесконечно тикали: "Четыре тысячи фунтов". Я прислушивался, пока они не зазвучали, словно наделенные человеческим разумом. Каждая минута была как час, пока мы ждали, что скажет хозяин, чувствуя, что от его слов бесповоротно зависит наша судьба. Внезапно мы были напуганы резким голосом в зале:

– Мистер Уэтерби, ваш суп готов!

Старик поднялся, словно очнувшись от сна, взял трость и, шатаясь, направился к двери. У порога он остановился и, повернувшись вполоборота, сказал:

– Джентльмены, я подумаю над вашим предложением, и если я смогу найти способ вложить деньги – что ж, у меня есть ваш адрес, и я свяжусь с вами. А пока на одном из моих полей есть амбар, добротный и просторный. Он в вашем распоряжении, и я искренне надеюсь, что вы сможете собрать деньги для вашего предприятия. Сарай вы получите за символическую плату, а здешние болота покажутся вам лучшим местом в окрестностях Лондона для ваших экспериментов. Я желаю вам всего хорошего. Если вы решите воспользоваться сараем, дайте мне знать, и я немедленно передам вам ключ. А пока желаю вам удачи!

Он вышел, не сказав больше ни слова, оставив нас наедине с говорливыми часами и мертвыми травами предыдущего

лета. Я взглянул на Торренса, он был бледен, но в его глазах светилось неукротимое бесстрашие. Я видел его и раньше.

По манере Уэтерби уйти невозможно было сказать, намерен ли он вернуться или нет. Мы едва успели подумать, что беседа окончена, поскольку не сделали никакого движения, чтобы уйти самим, и пока раздумывали, что лучше предпринять, в коридоре раздались легкие шаги, и дверь снова открылась, впустив женщину средних лет, которая подошла к нам хмурясь. Мы поклонились.

– Могу я поинтересоваться характером вашего поручения? – начала она, не обращая ни к кому из нас конкретно, но Торренс, шагнув вперед, ответил:

– Наш визит вряд ли можно назвать поручением, мадам. Мы здесь по важному делу к мистеру Уэтерби, который, я надеюсь, скоро вернется и даст нам возможность продолжить нашу беседу.

– Я этого боялась! – ответила она с выражением сожаления. Она села в то же кресло, которое занимал Уэтерби, и попросила нас занять свои места. В ее манере было что-то странное, выдававшее глубокую озабоченность нашим визитом. Засунув руку в карман, она достала футляр для очков и водрузила очки на нос. Затем она посмотрела на каждого из нас по очереди с растущим интересом.

– Вам не нужно скрывать от меня свои дела, джентльмены, – продолжала она, – мистер Уэтерби – мой отец. Как вы знаете, он очень старый человек, и я выступаю в двойном

качестве – сиделки и попечительницы для него. Он ничего не делает без моего ведома.

Ее речь была очень серьезной, а выражение лица – глубоко озабоченным. Торренс после минутного колебания ответил следующим образом:

– Ни на минуту не сомневаясь в вашем утверждении, мадам, не будет ли более правильным спросить согласия мистера Уэтерби, прежде чем говорить о деле, в котором он заинтересован наравне с нами? Если он согласится, я охотно объясню вам все, о чем мы говорили. А пока я могу лишь сказать, что наш разговор касался очень важного вопроса, который я вряд ли вправе разглашать без согласия всех заинтересованных сторон.

Она не отвечала несколько минут, в течение которых жесткий взгляд ее глаз смягчился, мне даже показалось, что они помутнели от слез. На мгновение она отвернула лицо и, сняв очки, тщательно их отполировала, вернув в карман. Затем она уставилась в огонь, словно раздумывая, как поступить, а потом, не отводя глаз, сказала:

– Я не буду спрашивать о ваших делах, джентльмены, но я расскажу вам кое-что о своих. Мистер Уэтерби, мой отец, признаюсь с болью, помешан на изобретениях. Его состояние, которое когда-то было огромным, было растрчено на всевозможные механические глупости, которые я не могу назвать иначе. Изобретатель, который когда-то завладел его взглядом с помощью бумаги или его ухом с помощью речи,

мог выжимать из него любые деньги, какие только пожелает. Видя, что наши средства распыляются, наш кредит уменьшается, а мой добрый отец не в состоянии видеть, что его обманывают, я обратилась в суд с просьбой о его опеке на основании умственной неполноценности. У него нет денег, которые он мог бы назвать своими, то небольшое, что осталось у нас, находится в моем распоряжении. Если у вас есть планы, требующие денежной помощи, я должна откровенно сказать вам, что получить ее здесь невозможно.

Она замолчала и мы с Торренсом в изумлении уставились друг на друга.

– Но, мадам! – воскликнула я, не в силах сдержаться, – Мы проделали весь этот путь из Америки, с большими личными неудобствами и расходами, в ответ на письма вашего отца, и если он откажется помочь нам теперь, мы разорены.

– Это невозможно – совершенно невозможно, уверяю вас, мои дорогие сэры, – следить за перепиской моего отца. Он отвечает на все, что находит в бумагах, касающихся патентов. Это прискорбно, глубоко прискорбно, но ничего не поделаешь. Общественность неоднократно предупреждали в газетах, и мы не можем сделать ничего другого.

– Это действительно очень прискорбно, – сказал Торренс, – но позвольте спросить вас, мадам, если бы я смог продемонстрировать, к вашему полному удовлетворению, неоценимую пользу моего воздушного корабля, можно ли было бы побудить вас помочь в его строительстве?

– Увы, мой дорогой сэр, у меня нет средств!

Наступило тягостное молчание, в котором, как мне показалось, был виден конец всего происходящего. Мысленно я пробежался по счетам нашей наличности и примерно прикинул, как долго они еще продержатся. Как бы мы ни злоупотребляли жильем миссис Твитчем, я предвидел, что нам придется покинуть его в поисках более худшего.

– Неужели нет ничего, что могло бы побудить вас проявить интерес к нашей затее? Помните, это изобретение века. Все существующие железные дороги, все телеграфы будут считаться ничтожными по сравнению с ним, когда он будет построен и получит коммерческую значимость. Помните также, что требуемая незначительная сумма будет возвращена в десять раз в течение шестидесяти дней. Помните, моя дорогая мадам, что, отказываясь помочь нам, вы выбрасываете величайшее материальное благословение, которое только может обрести человек. Это мечта веков – кульминация всех надежд. Подумайте хорошенько, прежде чем отказываться!

Я был так взволнован, что говорил более серьезно, чем когда-либо прежде, понимая, что если мы потерпим неудачу с "Уэтерби и Харт", то станем изгоями. Но весь мой энтузиазм и все красноречие моего брата были тщетны.

– Дело не в том, что я не хочу, а в том, что я не могу, – повторила дама, которая на самом деле не казалась лишенной сочувствия или должного понимания ситуации.

– Значит, у вас нет друзей, – продолжал я, – которых можно было бы убедить принять участие в изобретении, я бы сказал, открытии, ибо это действительно скорее открытие, чем что-либо другое?

– Большинство наших друзей уже потеряли деньги из-за увлечения или слабости моего отца, и я не осмеливаюсь затрагивать эту тему ни с кем из них.

Мы встали, чтобы уйти, поблагодарив даму за ее объяснения и проявленный интерес. У двери Торренс остановился.

– Я чуть было не забыл, – сказал он, – ваш отец говорил нам о сарае, который он готов предоставить в наше распоряжение, если он понадобится нам для мастерской. Предложение еще в силе?

Дама улыбнулась и сказала, что не может отказать в такой простой вещи, особенно когда мы проделали такой долгий путь и вправе ожидать многого. Мы поблагодарили ее, попрощались и ушли.

Мы снова прошли по цементной дорожке между кустами самшита и через железные ворота. Когда мы снова вышли на открытое шоссе, Торренс повернулся ко мне и с удивительным безразличием сказал:

– Выглядит так, будто мы потерпели поражение, старина, но это не так. Эти люди только разожгли во мне решимость, и я построю воздушный корабль, несмотря ни на что.

Как я уже говорил, мой брат был необыкновенным человеком; он обладал плодовитым умом, неsgiбаемой волей и

вместе с тем скрытностью, которая иногда раскрывалась даже передо мной. Мы шли молча; будущее выглядело черным и неутешительным, и у меня не хватало смелости обсуждать его. Когда мы достигли реки, уже стемнело, и маленькая лодка шла по Темзе среди бесчисленных огней, отражавшихся на воде длинными, дрожащими линиями. Мельчайший предмет привлекал мое внимание, и я стал размышлять о душевном состоянии пассажира, который насвистывал знакомую мелодию у моего локтя. Я смотрел через поручни на черную воду внизу и думал о том, каково это – утонуть, и сколько людей пытались сделать это в этих водах. Я представил себе их трупы, все еще лежащие на дне, и прикинул, сколько лет потребуется, чтобы распался скелет человека, после того как рыбы съедят всю плоть с его костей. Затем в тусклом свете я увидел Торренса, проходящего мимо человека, который держал румпель. Он молчал, и я не стал его беспокоить. Возможно, он не видел меня, во всяком случае, мы шли по разные стороны палубы, каждый погруженный в свои мысли. Наконец мы встретились, как бы случайно, хотя я целенаправленно пробирался к нему.

– Ну, старина! Как дела? – воскликнул он с сердечностью, которая меня поразила.

– Ничего, – ответил я, – только хотел спросить, почему ты задал этот вопрос о сарае.

– Потому что я подумал, что это может быть полезно, – ответил он.

– И для чего же, скажи?

– Для постройки воздушного корабля, если уж на то пошло. А ты думал, что он мне нужен для бильярдной?

– И как же ты сможешь построить воздушный корабль без "Уэтерби и Харт"? – поинтересовался я.

– Я не совсем готов ответить на твой вопрос. Но я и раньше преодолевал трудности, преодолею и эту. Не волнуйся, Гурт! Воздушный корабль будет построен.

Его голос был уверенным и показывал такое безразличие к серьезности нашего положения, что я смотрел на него в изумлении. Больше сказать было нечего, и мы снова разошлись в разные стороны.

Я снова приступил к тщательному изучению окружающей обстановки – реки, огней, самой лодки и, наконец, своих попутчиков. Занятый этим, я пропустил без внимания несколько остановок, как вдруг меня заинтересовал негромкий, но оживленный разговор двух мужчин, которые находились напротив меня, один стоял, другой сидел. В той части палубы, где мы находились, было почти темно, но вскоре сидящий мужчина слегка сдвинулся с места, чтобы освободить место для другого, когда они оба оказались в поле зрения тускло горящего фонаря, и я с удивлением увидел, что один из мужчин – мой брат. Незнакомец был грубым, грязным на вид моряком, и эта пара, как я уже сказал, была глубоко поглощена разговором, которым они, очевидно, были заняты уже некоторое время.

– Да, чужестранец, – сказал моряк, – ты можешь верить мне или не верить, как тебе угодно, но у меня достаточно доказательств того, что я тебе говорю, и три раза меня заперали вместе с сумасшедшими за то, что я придерживался правды и не лгал.

– И ты говоришь, что можешь это доказать? – спросил мой брат низким тоном.

– Да, и сделаю это!

– Это слишком невероятно. Ты изумляешь меня! Я не могу этого постичь! – сказал Торренс едва слышным голосом, который, как я заметил, был намеренно приглушен.

– И в самом деле, вы можете вполне считать все это таковым, и даже больше. Когда я впервые узнал об этом, то, по крайней мере, был близок к безумию, но с тех пор, как меня заперли, я больше не говорю об этом, но когда я услышал, как вы, парни, судачите о воздушном корабле, я понял, что вы из тех, кто не прочь поговорить. Для меня это неважно – я не смогу прожить долго, и мне не хотелось бы, чтобы этот секрет умер вместе со мной. Я спускаюсь вниз по реке на "Кенгуру", это судно оборудовано как больница для калек и тому подобных. Мне там очень уютно, и я сомневаюсь, что когда-нибудь прицеплюсь к какому-нибудь другому судну в поисках дома по эту сторону от Дэви Джонса.

– Но, конечно, вы позволите увидеться с вами снова, – сказал Торренс, когда мужчина сделал движение, чтобы покинуть лодку на причале, к которому мы приближались.

– Конечно, позволю. Я не забуду вас, – он постучал себя по груди, как бы ссылаясь на записку, которую, как я предполагал, дал ему Торренс. – И я тоже сдержу свое слово и докажу каждый вздох, который я сделал с вами сегодня ночью. Пока!

Мужчина поспешно покинул лодку, и на следующую пристань мы высадились сами.

Глава III

Шел снег, и земля уже стала белой, когда мы добрались до нашего скромного жилища. Всю дорогу из Грейвсенда меня поражала переменчивая натура моего брата: в один момент он был оживлен, в другой – задумчив и уныл. На мой вопрос о необычном знакомстве, которое он завел на корабле, он просто рассмеялся и сказал "чудак", полностью игнорируя обрывки подслушанного мной разговора между ними. В таком настроении я решил оставить его в покое, будучи уверенным, что если и есть что-то стоящее, то я это услышу.

Мы поспешно осмотрели свои владения, чтобы убедиться, что в наше отсутствие ничто не было потревожено, а затем, с чувством уверенности в хозяйке, снова отправились в бурю в поисках еды. Мы ничего не ели с раннего утра и были почти голодны. Найти наш небольшой ресторанчик оказалось несложно, а свет и тепло внутри ободряли даже мою унылую душу.

Усевшись в алькове за аппетитным столиком, Торренс пододвинул ко мне меню, но я умолял его выбрать ужин самому, причем выбрать самые дешевые и объемные блюда.

– Чепуха! – ответил он, – Я голоден и собираюсь съесть еще один нормальный ужин. Если нам суждено отправиться к дьяволу, какая разница, в понедельник или в субботу?

Я никогда не мог спорить с Торренсом; у него во всем был

свой путь, и все же мы никогда не ссорились.

Перед нами поставили изысканный ужин и большой кувшин пива; ужин обошелся дороже завтрака.

– Не знаю, как это так, – сказал Торренс в разгар поедания огромной отбивной, – но что-то мне подсказывает, что я никогда не был рожден для голода!

После ужина мы зажгли сигары и, задернув шторы в нашем алькове, продолжали сидеть и курить за чашкой кофе. Мы пыхтели уже несколько минут, когда Торренс, сунув руку в карман, достал деньги, которые я дал ему утром, вместе со своими собственными, и, положив стопку на стол, сказал:

– Теперь слушай! Мы разделим эти деньги на две равные части, и каждый возьмет свою часть. Неизвестно, что может случиться с нами, и лучше искать удачу по отдельности, чем вместе. Если мы пойдем одним путем, то встретим одинаковые трудности, а если разделимся, то шансов на удачу будет вдвое больше, и тот, кто первым поймает ее, сможет помочь другому. Это будет стоить не дороже, чем жить под одной крышей, за исключением того, что мы заранее заплатим за наши кровати, но другие соображения с лихвой компенсируют эту потерю, которая, в конце концов, может и не быть потерей. Возможно, нам предстоит пережить очень трудное время, но в конце концов мы справимся, не сомневайся. А теперь не мори себя голодом, старик, и не затыкай рот, а копай-копай-копай. Проталкивай свою рукопись – жми на рычаги – бросайся на все, что увидишь, но не унывай, и, прежде

всего, пиши регулярно и держи меня в курсе.

Сердце у меня защемило, потому что я не мог смириться с мыслью, что мне придется покинуть Торренса. Он был лидером во всем, и с самого раннего детства я всегда верил, что то, что не может сделать Торренс, не может быть сделано вообще. Я привез с собой несколько рукописей, для которых надеялся найти издателя, но теперь сама мысль об этом была отвратительна. Я не мог ответить, и Торренс продолжал:

– Завтра утром, после завтрака, я покину тебя. Не спрашивай, что я собираюсь делать, потому что я не знаю, но я отправляюсь на поиски удачи и буду во многом полагаться на свои мозги янки, которые помогут мне выйти на первое место в этой игре. Не жди меня, пока не встретишь, но я либо напишу, либо вернусь, когда будет что рассказать.

– Ты собираешься вернуться в Грейвсенд? – спросил я.

– Возможно; но не приставай ко мне с вопросами. Во-первых, тебе не стоит знать, что я делаю, а во-вторых, мне не поможет, если ты будешь знать. Ты можешь представить меня строящим воздушный корабль, или управляющим галантереей, или кем угодно, но помни, что когда бы я ни столкнулся нос к носу с удачей, ты обязательно об этом узнаешь; и я только прошу тебя делать то же самое по отношению ко мне.

Я подал ему руку, и мы заказали две порции бренди и бутылку "Аполлинариса".

Пока мы расправлялись с этим и все еще курили сигары, портьеры нашего алькова внезапно раздвинулись, в проем

просунулось грубое, небритое лицо и так же быстро удалилось. Хотя это было всего лишь мгновение, я узнал в этом лице моряка, которого видел на пароходе на Темзе. Торренс нахмурился, но не выглядел удивленным.

Когда мы встали, чтобы уйти, Торренс настоял на том, чтобы оплатить счет из своей доли, что он и сделал, и тут, когда мы уже собирались выйти на шумную улицу, из одного из альковов к нам подошел тот же грубый, грязный на вид моряк.

– Еще пару слов с тобой, незнакомец, – сказал он, подойдя к Торренсу и прикоснувшись к его шляпе.

– Конечно, – ответил он, как будто никогда раньше не видел этого парня, а затем, повернувшись ко мне, Торренс добавил:

– Не мог бы ты подождать минутку, Гурт, пока я поговорю с этим человеком? – и, не говоря больше ни слова, они вошли в один из альковов.

Я развлекался тем, что рассматривал рыбок в аквариуме, стоявшем недалеко от входа, и наблюдал, как крупные хлопья снега падают на стеклянную панель двери. Сколько времени я просидел так, трудно сказать, но оно показалось мне бесконечным. Моряк предусмотрительно задернул за собой шторы, поэтому невозможно было услышать, о чем они говорят, и даже звук их голосов заглушался звоном посуды, топотом официантов и шумом прибывающих и уходящих гостей. Наконец беседа закончилась, брат вышел с довольно

необычным, как мне показалось, выражением лица, и мы отправились домой.

— И что ему нужно? — спросил я, когда мы шли по тротуару.

Торренс рассмеялся, а затем, словно раздумывая, что ответить, сказал:

— О, он сумасшедший! Хочет получить ссуду в двадцать фунтов под дом и участок, которые, по его словам, принадлежат ему в Дептфорде. Моряки вообще капризны, знаете ли, и я решил немного поговорить с ним, чтобы узнать его идеи и понять, стоит ли нам рисковать, имея возможность стать владельцем его собственности. Но я убежден, что этот парень — сумасшедший.

— Если он сумасшедший, то ты, наверное, еще больший! — воскликнул я, а затем, чувствуя, что он засыпает меня чепухой, чтобы избежать расспросов, я свернул тему и начал говорить о погоде. Мы больше не упоминали о моряке, и я пришел к выводу, что Торренс просто наткнулся на какого-то беднягу, который, по его мнению, может быть ему полезен, хотя каким образом, я не мог себе представить.

На следующее утро мы расстались, и я помахал Торренсу рукой на прощание, когда он занял свое место в омнибусе с сумкой Гладстона и зонтиком. Я стоял и смотрел ему вслед, пока автобус не свернул за угол, а затем направил свои шаги в сторону Патерностер-роу.

Я не собираюсь томить себя перечислением горьких разо-

чарований, которые я претерпел в этом квартале города, да и для определения Этлбриджей как подлинных участников чудес, о которых мне предстоит поведать, важно лишь упомянуть тот факт, что фирма "Крамб и Крампет" после долгих переговоров об условиях, долгих и утомительных обсуждений заслуг и качеств в конце концов отказалась от моей книги, равно как и от всех более коротких работ, представленных им; факт, который эти джентльмены, несомненно, запомнят, если их внимание будет привлечено к нему.

Наше жилье и так было унылым, но теперь, когда я остался один, оно казалось невыносимым. Помимо моих собственных мрачных чувств, я был вынужден разделять чувства моей хозяйки, которая постоянно досаждала мне рассказами о своих финансовых трудностях, о своей неспособности платить за жилье и о страхе, что ее выселят. Вопреки моему здравому смыслу, ей удалось уговорить меня одолжить фунт, чего я не мог себе позволить, но я сделал это, отчасти из сочувствия, а отчасти чтобы избавиться от ее назойливости.

Теперь я занялся подготовкой статьи о психологической эволюции обезьяны, которую я надеялся разместить у другого издателя и которая, если бы она была закончена, я не сомневаюсь, имела бы успех; но обстоятельства вмешались до завершения последних страниц, что заставило меня отказаться от работы, и поэтому мир должен был пострадать. Я продолжал работать без остановки больше недели, а за-

тем стал с тревогой ожидать возвращения брата и совершил несколько долгих прогулок в том направлении, откуда, как я полагал, он должен был прийти; но я не встретил его и возвращался домой, каждый раз немного удрученный. В эти вечера я рано ложилась спать, не имея никого в компании и не имея возможности позволить себе развлечений вне дома. По истечении десяти дней я стал настолько экономным, что был вполне удовлетворен состоянием своих финансов и чувствовал себя легче душой, чем когда-либо с момента приезда. Тем не менее, я не нашел ничего, чем можно было бы заняться, кроме как писать, и будущее было неопределенным.

Воскресное утро было темным и мрачным, и, поскольку прошло уже почти две недели с тех пор, как Торренс покинул меня, я начал с растущей тревогой думать о том, что с ним стало. Я вправе был ожидать его появления, но с момента его отъезда я не видел и не слышал от него ни слова. Могло ли что-то случиться? Я не верил в это и, зная, как он не любит писать письма, списал все на то, что он занят; и я искренне надеялся, что с пользой. Тем не менее, я провел день в мрачных предчувствиях и решил отправиться в Грейвсенд на следующее утро. Однако вечером, когда я собирался идти в свою комнату, слуга передал мне письмо, и я не сразу понял, насколько я встревожен, пока не прочитал его. Письмо было следующего содержания:

"20 Узкий переулок, Грейвсенд.

Воскресное утро.

"Дорогой Гурт! Извини, но я не смогу приехать сегодня, как рассчитывал. Постараюсь приехать до следующего дня Господня. Как дела с книгой? Держи язык за зубами и не унывай, твой, Торри".

Это было не очень-то большое письмо, но это было лучше, чем ничего, и я был благодарен за него. Я положил письмо в карман и на время оставил все мысли о Грейвсенде. Очевидно, Торренс нашел себе занятие, и я не считал его человеком, способным долго трудиться впустую, но чувствовал, что его мучает то, что он не сказал мне, в чем дело. Правда, я никогда не писал ему, что он велел мне делать под опекой Уэтерби, если будет о чем писать, но поскольку этого не было, я чувствовал оправданность своего молчания. Однако теперь я должен был скоро его увидеть и утешал себя мыслью, что все в порядке.

В течение последующей недели я ответил на несколько объявлений в надежде найти работу, так как, несмотря на испытываемое удовлетворение от своей способности экономить, бывали моменты, когда размышления о том, что я совершенно ничего не зарабатываю, настигали меня с такой силой, что я впадал в уныние и с радостью принял бы все, что сулило хоть малейшую прибыль. Но все попытки найти работу были безрезультатны; очевидно, Лондон был переполнен.

Прошла еще одна неделя без Торренса, и когда наступило

следующее воскресенье, и он не пришел, я стала не только проявлять нетерпение, но и злиться. Почему он не забежал ко мне? Это, конечно, казалось странным. Если бы он так настойчиво не просил меня оставить его в покое, я бы уже давно уехала в Грейвсенд. Но я едва осмеливалась выходить из дома, боясь, что он придет и уйдет в мое отсутствие.

Через несколько дней после этого произошел случай, поставивший меня в крайне затруднительное положение. Моя хозяйка пришла ко мне со слезами на глазах и сказала, что если я не смогу собрать десять фунтов, то лишусь дома. Она заверила меня, что если я предоставлю ей хоть часть денег, то она предоставит их, но зачем вдаваться в подробности – у меня отняли гораздо больше, чем я мог позволить себе потерять; я потерял друга и подорвал свои шансы на успех, и не только хозяйка лишилась собственности, но и все ее постояльцы. Я был вынужден сразу же искать новое жилье, причем с сильно урезанными средствами. Теперь все выглядело очень скверно, и я был твердо уверен, что богадельня находится в соседнем квартале и что я могу столкнуться с ней в любой день без предупреждения. Я сразу же написал Торренсу, чтобы сообщить ему об изменениях в моем положении и обстоятельствах и настоятельно попросил его немедленно приехать для совета. По обратной почте я получил следующий ответ:

"20 Узкий переулок, Грейвсенд.

"Дорогой Гурт! Сожалею, что тебе не повезло, но не пере-

живай из-за пустяка. Горсть золота, более или менее крупная, не стоит и внимания. Нищий может поднять ее на Лондонском мосту, не став от этого лучше, и, как я тебе уже говорил, день или два в оранжерее его величества рано или поздно не будут иметь большого значения в вечности. Я приеду к тебе через день или два и буду искать тебя в твоей новой квартире. А пока радуйся, что так дешево отделался, и не волнуйся. Я был ужасно занят.

С уважением, Т."

Мой брат всегда относился ко всему легко, но в этом письме он просто затмил самого себя. Я не сомневался, что он нашел какую-то работу.

Я снова был вынужден платить вперед за новое жилье, и мои запасы наличных тревожно уменьшались. Если Торренс не придет в ближайшее время, меня арестуют как бродягу.

Примерно через три дня после этого, когда я уже собирался отправиться в Грейвсенд, ничего не зная о брате после его письма, к двери подъехал фургон, и из него вышел Торренс.

– Ну, старина! – сказал он как можно веселее, – рад, что наконец-то нашел тебя. Но что заставило тебя переехать в такое место, как это?

Он с неприязнью посмотрел на грязный, унылый дом, который я выбрал для проживания. Я все объяснил, пока мы поднимались по ступенькам, даже назвал ему до копейки сумму денег, которая у меня осталась. Вместо того чтобы удивиться, он только рассмеялся и, повернувшись к извозчи-

ку, бросил ему деньги за проезд с солидным запасом, после чего мы вошли в дом. Расточительность брата всегда удивляла меня, но в наших нынешних обстоятельствах его безразличие к деньгам казалось непростительным.

Торренс с отвращением оглядел мою маленькую комнату.

– Мне не нравится это место, – сказал он. – Нам нужно переехать из него.

– Когда? – спросил я в изумлении.

– Сейчас! – ответил он.

– Это самое дешевое жилье, которое я смог найти.

– Наверное, так и есть! – ответил он.

– Но даже если ты зарабатываешь какие-то деньги, не будет ли неразумно их тратить? Не забывай, что я ничем не зарабатываю.

Торренс улыбнулся и сказал:

– А сейчас, Гурт, не надо читать мне нотаций, а закажи вместо этого четырехколесную машину – может быть, лучше сказать, пару, потому что я хочу перевезти все наши трофеи разом, пока они не слишком сильно пропитались этими кварталами, и... Ты что-нибудь задолжал?

Я объяснил, что уже заплатил вперед, что однажды мы уже потеряли деньги таким образом, и что я надеюсь, что он не позволит нам еще больше растрачивать наши средства; но Торренс был настроен решительно, и менее чем через час мы оказались в комфортабельном экипаже, с нашим багажом наверху. Когда водитель, собираясь закрыть дверь, на мгно-

вение замер, чтобы принять заказ, я услышал, как мой брат совершенно отчетливо произнес:

– Отель "Мустафа"!

Глава IV

Итак, "Мустафа" – один из самых шикарных отелей Лондона; сомневаюсь, что во всей Европе найдется более великолепное место для развлечений или более непомерные цены; и когда я оказался в одном из его великолепных коридоров, я, естественно, удивился, зачем мы сюда приехали.

Через несколько минут нам показали апартаменты, состоящие из трех больших смежных комнат – двух спален с гостиной между ними, обставленных роскошной мебелью.

– Как ты думаешь, это подойдет? – спросил Торренс, оглядываясь вокруг с безразличным видом.

– Для чего? – спросил я.

– Для нас.

– Дьявол! – воскликнул я.

– Нет, не для дьявола, а для нас с тобой.

Я смотрел на него в немом изумлении, а затем, не говоря ни слова, мой брат отпустил слугу, сказав, что, по его мнению, комнаты подойдут для этой цели, и приказал немедленно отправить наш багаж наверх. Неужели этот человек лишился головы? Я боялся, что он ее уже совсем потерял.

Оставшись одни, мы на мгновение замерли, любуясь окружающим нас великолепием, от роскошных фресок на потолке до пышных ковров под ногами, а затем, не в силах сдержаться, я спросил Торренса, действительно ли он сходит с

ума. Серьезность моей манеры и совершенно серьезное выражение моего лица заставили его смеяться до тех пор, пока он не плюхнулся на один из турецких диванов.

– Да! Разве ты не видишь? – кричал он, – почему бы тебе не послать за доктором? Но нет, ты не можешь позволить себе такие расходы, а здесь лучше, чем в любом приюте, я уверен. Не волнуйся, старина, если я и сошел с ума, то в этом есть свой смысл, и к тому же дьявольски хороший. А теперь успокойся, ведь безумие твоего брата никогда не причинит тебе вреда. Но здесь довольно уютно, не правда ли? – добавил он, вставая и оглядывая комнату. – Ты знаешь, я обыскал весь Лондон, прежде чем нашел квартиру, которая бы мне точно подошла, и я рад, что ты восхищаешься моим вкусом!

– Что ж! – ответил я, затаив дыхание, – ты, конечно, наверняка заработал целое состояние, причем быстро, но все же я не одобряю твою экстравагантность. Но скажи мне, ты заплатил за все это? И сколько это будет стоить нам?

– Нам! Я преклоняюсь перед этим, поскольку ты мой гость. Конечно, тебе это ничего не будет стоить! Но подожди здесь несколько минут, поскольку это, кажется, беспокоит тебя, я удовлетворю твой интерес к денежному вопросу. Я отправляюсь в офис и вернусь тотчас же.

Пока его не было, я занялся дальнейшим осмотром комнат. Чем тщательнее я вникал в их обстановку, тем больше поражался щедрому пренебрежению к деньгам, проявляемому на каждом шагу. Кровати были царственными, стулья и

другая мебель – самой дорогой, какую только можно себе представить, и даже стены были украшены картинами, которые, как я сразу убедился, были очень высокого уровня. Ван-ные комнаты, которых было две, были по-княжески великолепны, и повсюду были зеркала, бронза и украшения, которые показались мне слишком дорогими для общественного заведения; действительно, мало найдется дворцов более великолепных.

Вскоре я услышал, что Торренс возвращается, и, войдя в комнату, он протянул мне бумагу.

– Вот, прочти это и успокойся! – воскликнул он.

Это была расписка в полной оплате за аренду комнат за два месяца вперед, триста фунтов.

– Хорошо! – воскликнул я, посмотрев сначала на бумагу, потом на брата, – откуда у тебя эти деньги, я не могу предположить, но скажу, что хотя мои опасения за ближайшее будущее поубавились, я считаю, что люди в наших обстоятельствах неразумно разбрасываются своими средствами, как это сделал ты.

Я был раздражен и продемонстрировал это.

– Подожди, старик, пока ты не поймешь, о чем говоришь, – была его единственная реплика.

– Полагаю, ты продал часть акций своего воздушного корабля, – предположил я с трудом.

– Какой абсурд! Я даже не думал о таком.

Он, казалось, наслаждался моим недоумением и ходил по

комнате, насвистывая.

– Значит, ты продал это изобретение? – продолжал я.

– Угадай еще раз, дорогой мальчик, потому что я никогда не отдам воздушный корабль ни одному человеку!

– И будет ли он когда-нибудь построен?

– Конечно! Я уже работаю над ним. А что, по-твоему, я делал в Грейвсенде все это время? Ухаживал за дочерью старика Уэтерби, да? Что ж, ты ошибаешься, ничего подобного я не делал, но воздушный корабль уже заложен.

С таким же успехом я мог бы испытывать информацию у клерка в офисе, и поэтому решил больше не задавать вопросов. Но моя решимость была недолгой, так как на следующем вдохе я заинтересовался, сколько времени потребуется для завершения строительства, на что Торренс ответил, что, по его мнению, шести недель будет достаточно, и поэтому он снял наши комнаты только на два месяца, но что время, необходимое для такой деликатной работы, какая потребуется на воздушном корабле, трудно оценить, и поэтому он оговорил возможность не сдавать наши апартаменты, если они нам понадобятся еще, по истечении срока, так как он не хочет снова искать жилье. Он заговорил о контрактах, которые он подписал для работы на воздушном корабле, о таких больших суммах денег, что я мог только стоять с открытым ртом и охать.

В 8 часов мы сели в нашем салоне за такой ужин, который вряд ли мог превзойти сам королевский двор. Стол был усы-

пан живыми цветами и серебром и освещен свечами. Присутствовали два человека, по одному за каждым из нас. Вина были самые лучшие; каждое блюдо сопровождалось соответствующим напитком. Эти бургундские и токайские вина, эти шампанские и ликеры, и все они расходовались с величайшей расточительностью, бутылки открывались, лишь дегустировались и отставлялись для более подходящего сорта. Я сидел, ел и пил, как во сне, и искренне молился, чтобы деньги не закончились раньше, чем мы рассчитаемся по этому счету. К нашей чести скажу, что никто из нас не пил слишком много. Действительно, великолепие подорвало мой аппетит, и я заметил, что, хотя в доме было довольно много бутылок и графинов – просто пустая трата денег, – Торренс тоже был крайне умерен.

После ужина обслуживающий персонал удалился, а мы продолжали сидеть за столом, курить и разговаривать. Сигары у нас были самые лучшие, а разговор состоял в основном из вопросов с моей стороны, некоторых ответов и многочисленных увиливаний Торренса.

– А где ты разместил свою мастерскую? – поинтересовался я.

– Воздушный корабль строится в сарае Уэтерби, по крайней мере, отдельные части, когда все будет готово, там же будут собираться под моим руководством, – ответил Торренс.

– Ты собираешься каждый день ездить в Грейвсенд, чтобы руководить работой? Мне кажется, что это довольно дол-

гое путешествие. Не отнимет ли это у тебя слишком много времени?

– При обычных обстоятельствах – да, – ответил он, – но, видишь ли, я буду ездить на частном транспорте. На самом деле я купил паровой катер, он очень быстрый, так что я смогу перемещаться туда и обратно без проблем.

– О! – воскликнул я, не в силах скрыть своего удивления даже по поводу этой незначительной и, возможно, вполне оправданной экстравагантности.

– Я полагаю, ты будешь держать на борту команду?

– О, да.

– И эта штука всегда будет ожидать тебя?

– Именно!

– Разве мы не могли бы сэкономить кучу денег, если бы спали на борту? – спросил я.

– Возможно, но я не думаю, что это было бы также комфортно. Ты, Гурт, наверняка уже не недоволен нашей каютой?

– Недоволен! Боже упаси! Я всего лишь думал о твоём кошельке.

– Об этом, мой дорогой мальчик, ты можешь заботиться сам. Кстати, ты знаешь, что нам нужно иметь больше одежды, и пару камердинеров, я думаю, ибо кто слышал о людях нашего положения, которые одеваются сами? Думаю, завтра я дам объявление в "Таймс".

– Надеюсь, что нет, – ответил я, – со своей стороны я буду

чувствовать себя дураком, если рядом со мной будет возить-ся парень, придерживать мои брюки, пока я в них наступаю, и умывать мое лицо — насколько я знаю, даже принц Уэльский одевается сам!

— Тогда с этим покончено, — сказал Торренс, — но необходимо больше разнообразия в одежде, потому что слуги, которые нас обслуживают, одеты лучше, чем мы.

Я не стал возражать против одежды, чувствуя, что она является материальным активом, который в случае неудачи может быть использован в каких-то целях. Но камердинеры были совершенно излишни, они отнимали деньги, а также были проявлением чванства, от которого я поклялся воздерживаться.

Переход от бедности к богатству был настолько неожиданным, что это могло бы обескуражить, если бы не необыкновенное влияние моего брата. Я всегда относился к нему с непоколебимым доверием, и даже сейчас облегчение от денежного беспокойства перевешивало все опасения, которые я мог испытывать по поводу того, каким образом было получено это внезапно обретенное богатство. Как бы то ни было, хотя мое удивление было стимулировано, мое любопытство было больше похоже на любопытство ребенка по отношению к ресурсам родителя, а мои попытки разгадать тайну были так успешно пресечены, что вскоре я в какой-то мере удовлетворился тем, что получал и не задавал вопросов. Я говорю "в какой-то мере", потому что, конечно же, порой

невозможно было не задуматься о том, каким образом была достигнута эта внезапная перемена в наших жизненных обстоятельствах.

После ужина я спустился в нижний зал отеля и полюбовался его великолепной отделкой и изящной обстановкой, а также веселой толпой, которая неизменно собиралась там. Затем, пройдя в читальный зал, я набросал несколько писем друзьям дома, испытывая особое удовольствие от использования великолепной бумаги для записок с выгравированными в верхней части каждого листа словами "Отель Мустафа". Пока я писал, Торренс развлекался в бильярдной, где у него появились знакомые. Закончив с письмами, я присоединился к компании модных мужчин, которые явно смотрели на Торренса как на своего лидера. Они играли в бильярд на ставки, и когда игра закончилась, мой брат, сунув руку в карман, вытащил огромную пачку банковских купюр и свел счета. Проигранная сумма не могла быть большой, так как он получил несколько золотых и несколько серебряных монет обратно в виде сдачи с одной купюры. Я с интересом отметил этот факт, так как он свидетельствовал о том, что Торренс не был азартным игроком. Он представил меня мужчинам как своего брата-близнеца, затем мы пошли в курительную комнату, выпили немного горячего виски и выкурили очень дорогие сигары, причем мой брат снова оплатил счет.

Вскоре на нас стали смотреть как на миллионеров-янки, между нами не делалось никакого различия, и, будучи хоро-

шо обеспеченным, я всегда мог выглядеть как джентльмен.

Через несколько дней после нашего приезда мне сообщили, что одна из лучших лож в соседнем театре зарезервирована для нас. Торренс снял ее на сезон.

– Не то чтобы я рассчитывал ходить туда каждый вечер, – сказал он, – но приятно иметь свой собственный уголок, куда можно заглянуть, когда есть настроение. Сегодня вечером, например, я думаю, было бы неплохо заглянуть на балет, а как ты думаешь?

Я согласился, и после нашего обычного роскошного ужина мы сели в очень красивую закрытую карету и уехали. В карете было двое мужчин в ливреях, и когда мы бесшумно катились на резиновых шинах, я заметил, что это была самая шикарная общественный экипаж, которую я когда-либо видел. Мое замечание было воспринято с презрением.

– Общественный экипаж! – сказал Торренс. – Ты же понимаешь, что это не наемная карета!

– Что же тогда? – спросил я.

– Разумеется, личная. Я купил все снаряжение, лошадей и все остальное сегодня утром. Это моя первая поездка на них, и они – я имею в виду животных – пара отличных лошадей, могу вам сказать!

– И сколько стоило все снаряжение? – спросил я, не в силах сдержать свое любопытство по поводу денежного вопроса.

– Восемьсот пятьдесят! – ответил Торренс с легкой непри-

нужденностью, как будто четыре тысячи двести пятьдесят долларов были для него сущей мелочью. Я был бы ошеломлен, если бы постепенно не привык к подобным вещам. Как бы то ни было, я лишь заметил, что не понимаю, как он намерен выкраивать время для использования своей покупки.

— О, я оставляю это на твое усмотрение, — ответил он, — я не хочу, чтобы ты ходил по городу в неподобающем для этого образа виде, согласен?

Нас провели в театр со всем почтением, которое только можно было оказать ее величеству, так мне показалось; и я в душе ожидал, что зрители встанут, когда мы вошли в нашу ложу.

Спектакль был одним из тех блистательных представлений с огнями и ногами, как выразился Торренс, без чего-либо еще, и вскоре я заметил, что главной достопримечательностью была хорошенькая маленькая субретка. Не успел закончиться второй акт, как был вызван служитель и отправлен с пятифунтовой купюрой и приказом купить самую красивую корзину цветов, которая при первой же возможности оказывалась на сцене. Временами мне было противно смотреть на то, как мой брат тратит деньги, но я по-прежнему оставался марионеткой в его руках и не мог ничего сделать, чтобы сдержать его. Я вполне ожидал, что после спектакля он отправится в артистическую комнату для знакомства, но, к моему изумлению, он ничего такого не сделал, вместо этого мы сели в карету и, доехав до модного ресторана, поужи-

нали.

– И зачем ты выбросил свои деньги на эти цветы? – спросил я его, задержавшись над бутылкой Помара.

– Ты называешь это выбрасыванием денег на ветер? Бедняжка выглядела так, словно ей нужна была поддержка. Я думаю завтра же сделать заказ флористу, чтобы он присылал ей по полдюжины цветов каждый вечер. Приносить их из разных частей зала, так, чтобы она не смогла заподозрить, что они от одного и того же человека.

– И ты не пошлешь свою визитку?

– Решительно нет!

– И ты не хочешь, чтобы она знала, что это от тебя?

– Решительно нет!

– Ты лишился рассудка?

– Решительно нет! А что, Гурт, разве ты не знаешь, что ей было бы гораздо приятнее думать, что она всеобщая любимица, а не чья-то фаворитка?

– Решительно нет! – ответил я, подхватив его фразу, – любящая девушка предпочла бы... Но нет, если подумать, я полагаю, что ты прав.

И мне показалось, что Торренс всегда был прав.

Позже мы сели в карету и поехали в отель. Ночь была сырой и холодной, и я был рад снова очутиться в веселой компании Мустафы. Мы сыграли партию в бильярд, затем выпили горячего виски и выкурили по сигаре, после чего разошлись по своим комнатам и легли спать.

Оказавшись в темноте и в одиночестве, я прокручивал в голове события дня и времени, прошедшего с момента изменения нашей судьбы, и, естественно, впал в размышления о наиболее вероятном способе приобретения всего этого богатства. Ничто не могло меня устроить, и одна идея за другой отбрасывалась как равно невероятная. Наверное, я заснул, когда начал сомневаться, подлинная ли расписка, которую он мне показал. Это было необоснованное сомнение, противоречившее моей вере в Торренса, и все же оно овладело мной, как иногда овладевают сонные мысли. Разве я не видел его деньги? Почему бы ему не использовать их для гостиниц, как и для всего остального? И все же эта мысль раздражала меня, и я не мог от нее отделаться, в конце концов я обнаружил, что сижу в постели и размышляю над ней. Зажегши свечу, я тихонько прошел через комнату и вошел в салон. Постояв немного у двери брата и убедившись, что он спит, я вернулся в свою комнату и оделся. Во всем городе еще горел яркий свет, и, взглянув на часы, я увидела, что было лишь немного за полночь. Не было ничего необычного в том, чтобы пойти в офис отеля и спросить в непринужденной обстановке, оплачены ли номера. Меня успокоило бы устное заверение владельца отеля, что они оплачены. Я не мог отделаться от ощущения, что это было бы нечестно – воспользоваться своим сном родственника; но мной двигал сильный страх, и после минутного колебания я помчался по лестнице в вестибюль. Я заглянул в бильярдную, не столько для того,

чтобы посмотреть, остались ли там игроки, сколько для того, чтобы сделать вид, что просто слоняюсь по помещению без определенной цели. Полдюжины мужчин все еще играли в бильярд, и я узнал того, с кем меня познакомил Торренс. Меня пригласили присоединиться к игре, но страх быть втянутым в кутеж удержал меня, и, понаблюдав несколько минут, я пожелал доброй ночи и побрел в сторону офиса. Я пару раз прошелся взад-вперед с незажженной сигаретой между зубами, как бы желая отвлечься, а затем, подойдя к столу, задал несколько ничего не значащих вопросов о прибывших за день. Получив ответ на свой вопрос, я небрежно повернулся, как бы собираясь уйти, а затем, словно внезапно возникшая мысль, оглянулся и сказал:

– Кстати, правильно ли я понял, что мой брат, мистер Торренс Этлбридж, оплатил наши апартаменты?

Клерку не пришлось обращаться к своим книгам, он быстро ответил с довольной улыбкой:

– О, да, сэр. Все полностью оплачено. Ваш брат заплатил вперед за два месяца. У него есть наша расписка на эту сумму – триста фунтов. Это наши самые лучшие апартаменты, сэр, декорированы Лебрюном, а обставлены Хальтцеймером совершенно безупречно – надеюсь, мистер Этлбридж найдет все приемлемым!

Я заверил его, что все так, как мы хотели, и ушел успокоенный, за исключением того, что мне хотелось бы иметь деньги, а не комнаты. Но эти мысли были праздными; я был

в руках Торренса.

Побродив несколько минут по курительной комнате, я вернулся в свою комнату и лег спать.

Глава V

Когда я встал утром, Торренс уже ушел. Он уехал, не потревожив меня, как и обещал, поскольку поездка в Грейвс-энд требовала раннего старта.

Я решил провести день за писательством, вынашивая некоторые идеи, которые, как мне казалось, могли бы подойти для одного американского журнала; но удивительно, когда необходимость в работе отпадает, насколько безразличными мы становимся к ней. Все усилия казались абсолютно тщетными, и через час я убрал свои письменные принадлежности и вышел покататься по парку. Я видела, что новый стиль одежды моего брата вызывает восхищение, и откинулась на атласные подушки, сознавая, что на меня смотрят как на важную персону – возможно, герцога. Я пообедал в модном ресторане возле мраморной арки, а затем, проехав по Эджвер-роуд, вернулся в отель.

Только что пришла почта, и в ней была большая пачка писем и бумаг для Торренса. Некоторые из них были не запечатаны, предположительно рекламные, и в качестве таковых я их изучил. Но осмотр разочаровал, лишь подогрев мой интерес и усилив удивление. Что же здесь было? Непонятные каракули, необычные графики и фигуры, попытки нарисовать птиц и неизвестных животных, старания изобразить природные пейзажи, и при этом такие грубые и детские объяснения,

написанные настолько необычным почерком, что невозможно было сказать, была ли это работа сумасшедшего или нет. Действительно, я ни в коем случае не был уверен, что на самом деле означал тот или иной рисунок. Я рассматривал эти бумаги более часа, в полном трансе от удивления, а затем, не придя ни к какому выводу, положил их обратно в конверты, чтобы дожидаться прибытия их владельца.

Я пытался представить себе, что рисунки относятся к каким-то более сложным частям воздушного корабля, хотя не мог отделаться от ощущения, что это абсурд.

Примерно за час до ужина приехал Торренс, как всегда веселый. Я отдал ему почту, а затем, расположившись у окна, наблюдал, как он ее открывает. По выражению лица не всегда легко определить эмоции, но на лице моего брата, я был уверен, было написано всеобъемлющее удивление, удивление, которое понимало смысл того, что он видел. В один момент он улыбался от восторга; это был настоящий приступ восторга; в другой момент он хмурился и испуганно смотрел на лежащую перед ним бумагу, а однажды он провел рукой по глазам, как будто вытирая слезу. Если сами бумаги были загадочными, то поведение Торренса было еще более загадочным. Закончив, он аккуратно сложил их и отнес в свою комнату.

– Что-нибудь важное? – спросил я с предполагаемым безразличием, когда он вернулся в салон.

– Ничего, – ответил он, взглянув на меня, как мне показав-

лось, с легким подозрением, – ничего, лишь множество подробных чертежей о работе, ведущейся в Грейвсенде.

Я не ответил, но был уверен, что он сказал мне неправду. Затем он продолжил говорить о различных заказах, которые, как он надеялся, скоро будут выполнены, и которые должны быть доставлены в Грейвсенд в течение месяца, и о других, которые потребуют больше времени для завершения, и все они должны быть собраны в сарае Уэтерби как можно скорее. Он боялся, что судно будет строиться дольше, чем ему сначала показалось, но пришел к выводу, что в конце концов это не имеет большого значения, так как сезон не благоприятствовал испытаниям.

– Нет, – ответил я, – я полагаю, что теплая погода была бы лучше, но тогда твои расходы будут ужасно велики!

Торренс усмехнулся этому предложению. О расходах он всегда думал в последнюю очередь.

Мы снова роскошно пообедали, а после ужина поехали в мюзик-холл. Здесь обычная расточительность повторилась, более того, она превзошла все границы. Он не только покупал цветы огромными охапками, которые раздавал на сцене, но позже пошел в артистическую комнату и раздал значительные суммы актрисам. Его расточительность была настолько абсурдной и бессмысленной, что я в конце концов покинул его в отвращении и вернулся в отель один. Было уже поздно, когда он вошел, и я встретил его в довольно сердитом настроении:

– Ты выставил себя на посмешище! – воскликнул я, когда он бросился на большой персидский диван, чтобы докурить сигару перед уходом.

– Каким образом? – спросил он, совершенно невинно.

– Выбросив свои деньги на ветер среди кучи проходимцев, которые не одолжат тебе и медяка, чтобы спасти твою душу!

Торренс расхохотался, как будто посчитал это лучшей шуткой, какую только можно себе представить.

– Послушай, старина, – сказал он еще через минуту, – не теряй самообладания, потому что это не оплачивается. Для чего нужны деньги, если не для того, чтобы доставлять удовольствие? Это мой способ получать удовольствие, и я не прошу и не жду никаких одолжений взамен. Как видишь, чтобы приобрести мое удовольствие, нужно много денег, но я могу себе это позволить!

– Если у тебя такой доход, что ты не можешь его потратить, – ответила я, – лучше отдай немного мне. Возможно, в один прекрасный день ты обрадуешься, обнаружив, что я сэкономил для тебя несколько фунтов!

Эта речь была бы достойна презрения, учитывая сумму, которую Торренс уже дал мне, если бы не тот факт, что я хотел сделать это для его блага, а также для своего собственного, надеясь спасти хотя бы часть состояния, которое так позорно растрачивалось у меня на глазах.

– Конечно, конечно, – добродушно ответил он, наполовину поднявшись с кресла, – сколько ты хочешь?

– Все, что у тебя есть!

Без лишних слов он встал и, подойдя к письменному столу, подписал чистый банковский чек и протянул его мне.

– Вот! Заполни его сам! – воскликнул он.

– На какую сумму?

– На какую угодно, – ответил он с видом полнейшего безразличия.

– Но ты должен сказать, – упорствовал я.

– Мне все равно, Гурт, – ответил он, чиркнув спичкой, чтобы снова зажечь сигару. – Мои банкиры оплатят все, что ты выставишь, как мне кажется.

– У тебя имеется тысяча фунтов в банке этих людей?

Он откровенно рассмеялся.

– Надеюсь, что да! – воскликнул он, – но если это все, что тебе нужно, то у меня, пожалуй, найдется еще столько же, ведь ты должен помнить, что я теперь деловой человек и провожу дорогостоящие эксперименты по созданию воздушного корабля, который, по моему замыслу, должен стать самой совершенной вещью на земле!

– Полагаю, что в таком случае он обойдется тебе дороже, чем те двадцать тысяч долларов, о которых ты предполагал?

– Да, пожалуй! Если я отделаюсь суммой в столько же фунтов, я буду счастливым!

Я вздохнул, но ничего не сказал.

– Почему бы тебе не заполнить чек? – продолжал он, заметив, что я безучастно стою у стола с открытым от удивле-

ния ртом.

— Мне записать тысячу? — спросил я, не зная, что ответить.

— Да, хоть две, если хочешь. Мне действительно все равно.

Я заполнил чек на тысячу, не в силах побороть ужас при мысли о большей сумме, поскольку, несмотря на все доказательства обратного, я не мог преодолеть страх, что чек могут не принять. Я показал его Торренсу, который заметил только, что не понимает, почему я не удвоил сумму. Я твердо решил отложить эту сумму на черный день и решил сразу же пойти к банкиру, когда мой брат вернется в Грейвсенд, и обналичить ее. Я также решил по возможности разузнать что-нибудь о его делах, поскольку тайна этого внезапного богатства не давала мне покоя. Я совсем потерял надежду узнать что-либо от самого Торренса и теперь должен был обратиться к другим источникам.

В тот вечер мы рано легли спать, так как брат сказал, что устал за день, и, не зная, чем еще заняться, я последовал его примеру, твердо решив обналичить чек и выяснить все на следующий день.

После нескольких часов беспокойного отдыха и из-за невозможности заснуть я встал, чтобы пойти в соседнюю комнату и выпить стакан воды. Я не взял фонарик, прекрасно зная, где его искать, но представьте мое удивление, когда на полпути через весь наш салон я увидел, что свет в комнате моего брата все еще ярко горит и светит через замочную скважину и под нижней частью двери. Едва я успел заметить

это, как из комнаты донеслись негромкие голоса, как будто двое разговаривали вполголоса. Я бесшумно подошел к двери и прислушался.

– Опасности нет, он спит! – сказал один из голосов, который, как мне показалось, принадлежал Торри, затем последовал какой-то шепот, который невозможно было разобрать. В этот момент меня посетила ужасная мысль. Неужели Торренс совершил какое-то преступление, которое он пытался скрыть? От одного только подозрения меня передернуло. Я не мог в это поверить.

– Это тебе решать, – заметил другой, – а мне, со своей стороны, наплевать, кто об этом узнает, лишь бы новости не исходили от меня. А теперь взгляните на это.

Я услышал шелест бумаг.

– И это, и это. Общество никогда больше не увидит ни одной из них – пусть сначала они сгниют.

Затем раздался голос Торри.

– Конечно, если это так, то мой брат Гуртри скоро обо всем узнает. Только я пока не хочу ему говорить. Дело не в том, что я не доверяю тебе, Меррик, но, само собой, ты сам видишь, каким посмешищем я стану, если окажется, что это какая-то ошибка.

– Разве я не понимаю этого? И никакой ошибки не будет, – ответил другой.

– Совершенно верно; и в этом случае я предпочитаю подождать, пока все не будет доказано моими собственными

чувствами, прежде чем объявлять кому-либо об этом самом потрясающем факте истории.

Я почувствовал облегчение. И в тоне, и в словах было нечто такое, что убедило меня в отсутствии криминала. И все же тайна стала еще глубже, чем прежде. Не было никакого объяснения, как появились деньги, что было очевидным фактом, но были темные намеки на нерешенные проблемы. Я продолжал слушать, с интересом впитывая услышанное.

– Что касается зверей и птиц, то, не будучи ученым, я не могу ничего доказать. Это вы должны изучить сами и сделать собственные выводы относительно них. Я не могу объяснить, как и почему возникает свет, но он все равно там, и вы это увидите. Я мог бы изложить свои соображения членам общества, но эти проклятые дураки ничего не станут слушать, и пусть они сами посмотрят, если захотят, прежде чем я скажу им еще хоть слово. Не упускай это из виду, потому что ты – единственный настоящий мужчина, перед Богом всемогущим!

– Теперь об этом поясе, – сказал Торренс, – какой он ширины, ты сказал?

По звуку мне показалось, что он постукивает карандашом по столу, но последующие слова расслышать было невозможно, затем мужчины, очевидно, собрались с мыслями и стали изучать какой-то документ или бумагу, которую я не мог увидеть. Вдруг мне пришло в голову наклониться и заглянуть в замочную скважину. Несомненно, это было недостой-

но, но разве это более недостойно, чем подслушивать? "Подслушивающий – это плохо, но подглядывающий – еще хуже", – подумал я, и все же мое любопытство было настолько сильным, что я ничего не мог с этим поделать, и я оправдывал себя отчасти тем, что неплохо быть во всеоружии, если не желаю, чтобы меня вслепую повели как соучастника возможного преступления. И вот я решился и, прильнув глазом к отверстию, получил ограниченный обзор комнаты моего брата. К своему изумлению, я сразу узнал в незнакомце человека, которого мы встретили на пароходе на Темзе, а затем в ресторане. Это был тот же грязный, небритый моряк, по крайней мере, его внешний вид указывал на то, что он зарабатывал на жизнь морем, и я не сомневался, что так оно и было. Мужчины сидели по разные стороны стола, на котором в беспорядке была разложена стопка бумаг, насколько я мог судить, некоторые из них были теми самыми, что пришли с дневной почтой.

– Дайте ему столько времени, сколько он захочет! – сказал моряк, снова заговорив. – Сначала он не поверит, и это не совсем разумно, но постепенно это дойдет до него. Он обязательно поверит, если будет заниматься этим – другого шанса нет.

– Нет, если это так, – ответил Торренс, – и его будет не так трудно убедить, как ты предполагаешь, возможно, не труднее, чем меня, потому что я сам уже давно в это верил и рассуждал об этом. Вы сочли меня способным ученым, не так

ли?

– Единственный здравомыслящий человек, которого я когда-либо знал, – проворчал мужчина. – Но теперь мне все равно, – продолжал он, – жить мне осталось недолго, но я не хотел умирать с этим секретом, потому что может пройти еще миллион лет, прежде чем он будет раскрыт. Я спокоен, что вы знаете его, потому что мир обязательно его получит. Но что касается этих проклятых дураков...!

Мужчина стукнул по столу своим сжатым кулаком.

– Тише! – сказал Торренс, – вы можете его разбудить!

Моряк усмехнулся и почесал голову.

– Полагаю, ничего страшного не произойдет, если я это сделаю, – ответил он.

– Нет, но я же сказал вам, почему я хранил молчание!

– Именно так, я внимателен к вашим словам. А доказательства, вы нашли их все верными?

– Совершенно верными, но скажите, вам самому они не нужны?

– Черт, нет. Завтра я пришлю вам полный сундук. У меня есть все, что нужно, – хорошая кровать, большая компания и место, где можно умереть, потому что, говорю тебе, я долго не протяну. Это выбило из меня все силы, но секрет... секрет... слава Богу, я не умру с ним, и это все, чего я хотел.

Конечно, этот разговор мог вестись и на хиндостанском языке, если бы я только мог понять, о чем идет речь. В один момент мой страх перед злом был доведен до ужаса, в дру-

гой — я не чувствовал ничего, кроме праздного любопытства. Однако я был удивлен, что в том, что я услышал, было так мало вразумительного. Вскоре мужчины начали переворачивать пачки бумаг, и Торри, сдвинув стул так, что мне было его не разглядеть, что он делает, и этот факт, возможно, способствовал возникновению ужасного подозрения, внезапно охватившего меня; мысль, которая, я уверен, никогда бы не возникла ни при каких других обстоятельствах, кроме тех обескураживающих, в которые я был так безоглядно ввергнут. Может ли быть, что деньги, которые мой брат так свободно разбрасывал, были фальшивыми? Минутное размышление убедило меня, что это невозможно, и все же ужасное недоверие овладело мной. На мгновение я заколебался. Моим первым побуждением было окликнуть и спросить, в чем дело. Это было бы откровенным и естественным поступком, если бы мои подозрения не были вызваны, но, несмотря на это, я чувствовал, что такая процедура была бы глупой и бесплодной. Жгучее желание узнать обо всем поглотило меня, и я ходил по комнате в мучительном волнении. Я снова заглянул в замочную скважину и с облегчением увидел, что там нет ни пластин, ни печатей, ни штампов, ни каких-либо механизмов. Я сделал длинный вздох. Затем я вспомнил, что в разговоре не было ничего такого, что указывало бы на подобные дела, и снова перевел дыхание. Наконец, не найдя ни малейшего ключа к разгадке тайны, я вернулся в свою комнату и лег спать в очень неприятном расположении духа.

Глава VI

На следующее утро я проснулся рано и решил сразу же пойти в комнату Торренса и попросить его одолжить мне пятифунтовую банкноту. Я хотел, чтобы банкир в городе проверил ее на подлинность, надеясь таким образом снять тревогу, которая так мучила меня всю ночь. Хотя мой рассудок противился версии о фальшивке как неправдоподобной, все же трудно было побороть мысль, что она может быть верна. По правде говоря, я был вынужден искать какое-то правдоподобное объяснение этой тайны. Я не мог быть спокойным получателем средств, которые не имели очевидного источника, и особенно когда было так много оснований сомневаться в их законности.

Торренс уже встал, готовясь к раннему отъезду, когда я вошел к нему в комнату.

– Кстати, старина, – сказал я, – нет ли у тебя при себе пятерки? Думаю, я мог бы использовать его с пользой, пока не доберусь до банка с твоим чеком.

Он достал из кармана пачку банкнот и вместо одной пятерки бросил мне пару десятков.

– Пусть это будет на удачу! – воскликнул он, торопливо выходя из комнаты по своим делам.

Мы редко завтракали вместе – Торри был настолько увлечен своей работой, что не терпел задержек, и поэтому было

решено, что мы не будем видеться до его возвращения из Грейвсенда. По этому случаю, когда он оставил меня и позавтракал в одиночестве, я распорядился о карете и поехал в город. Сразу же отнеся свой чек банкиру, на которого он был выписан, я поинтересовался, все ли в порядке. Кассир улыбнулся и просто спросил, как я хочу получить деньги. Я сказал ему, что они мне вовсе не нужны, но я хотел бы записать их на свой счет.

— О! — сказал мужчина, глядя вверх, — я думал, вы мистер Этлбридж.

— Так и есть, — ответил я, — но не Торренс. Я его брат-близнец. Мы очень похожи.

— Понятно! — воскликнул он, несколько удивленный. Затем он взял с меня подпись и выдал мне книжку с кредитом на тысячу фунтов. В этом не было никакой ошибки. Это был настоящий перевод кредита от Торренса ко мне. Я хотел задать ему несколько вопросов о сумме, которую Торренс держал в банке, но не решился, опасаясь, что это может вызвать подозрение, что я сомневаюсь в его действиях. Вскоре, продолжая беспечно болтать, я достал одну из десятков, которые дал мне брат, и спросил, все ли с ней в порядке, притворившись, что получил ее в месте, в котором не был уверен. Мужчина внимательно осмотрел ее и сказал, что она в полном порядке, и мои сомнения развеялись. Я уже собирался проститься, когда кассир заметил:

— Мы будем очень рады, мистер Этлбридж, если вы и ваш

брат оставите свой основной счет у нас, полагая, что мы можем предложить особые условия и...

Это было то, чего я хотел. Он открыл тему.

– Кстати! – перебил я, – не могли бы вы сказать мне, какой основной банковский дом моего брата в настоящее время?

– К сожалению, – ответил мужчина, – он не сообщил нам его название, хотя я полагаю, что это один из крупнейших банков в городе. Все депозиты мистера Этлбриджа у нас сделаны через американскую фирму.

Я собирался выразить удивление, но вовремя опомнился, поэтому просто улыбнулся и постарался выглядеть так, как будто я и раньше это знал.

– А почему вы полагаете, что мой брат держит еще один счет в Лондоне? – спросил я. спросил я.

– Просто потому – ответил тот, пожав плечами, – что однажды я слышал, как он упоминался как покупатель очень крупной партии зарубежных акций в одном из наших городских банков. Ничего более, уверяю вас.

– И вы не помните название этого концерна? – спросил я, заинтересовавшись.

– Нет, – ответил кассир, – не помню. Вполне возможно даже, что я никогда его не слышал. Это был лишь один из тех случайных обрывков разговора, которые больше относятся к бизнесу в целом, чем к какому-либо конкретному банкиру.

Я услышал достаточно, чтобы получить подсказку, хотя, признаюсь, небольшую. Торренс, очевидно, имел дела с дру-

гим банком, а также располагал средствами в Америке, о которых я никогда не слышал и не мог понять. У меня мелькнула мысль. Я пойду на разные банковские ряды и узнаю, где находится второй счет, по возможности представившись своим братом. Несомненно, меня примут за него, как только я войду в нужное заведение, как это было здесь. Пожелав кассиру "доброго дня", я вышел, полностью отдавшись своему новому предприятию. Это был смелый план, но мне все больше хотелось узнать что-нибудь о делах Торри, кроме того, я чувствовал себя более независимым, имея в кармане кредит в тысячу фунтов и банковскую книжку, которую время от времени сжимал в пальцах, когда нуждался в ободрении.

Как и следовало ожидать, первое место, куда я вошел, оказалось правильным, и, как я и предполагал, служащие сразу же узнали во мне Торренса. Я уже решил, как себя вести и что говорить, пока шел по улице, отказавшись от кареты как от ненужной вещи, и был полностью готов к тому, что ко мне обратятся как к мистеру Этлбриджу.

– Кстати, – начал я довольно небрежно. – Что это было за последнее... э-э-э... последнее...

Я намеренно остановился, чтобы дать кассиру шанс помочь мне. Он так и сделал, но я был совершенно не готов к этому слову. Я ожидал услышать "депозит" или "чек", но когда мужчина пришел мне на помощь со словом "кабель", я был ошарашен. Неужели Торренс пытался повеситься? Од-

нако здравый смысл вернулся ко мне, и я ответил, словно внезапно вспомнив о своем поручении:

— О, да, это было оно. Не могли бы вы дать мне посмотреть его еще раз, если у вас есть копия?

Я не имел ни малейшего представления, о чем была эта кабельная телеграмма, но знал, что копии важных сообщений всегда сохраняются, и подумал, что мог бы посмотреть и эту. Через минуту появился клерк с копией, и кассир, взглянув на нее на секунду, чтобы убедиться, что она правильная, передал ее мне для ознакомления, и я прочитал следующее.

"Лондон, декабрь, 1894.

Компании "Дидвуд и Бейтс", банкирам, Нью-Йорк.

Зачислить в кредит Торренса Этлбриджа шестьдесят три тысячи восемьсот сорок фунтов стерлингов и отнести их на наш счет.

"УАЙТХАУС, МОРС И ПЛАНКЕТ".

Я чуть не поперхнулся от изумления. Здесь был всего один депозит на сумму, значительно превышающую триста тысяч долларов. Неудивительно, что он мог так легко позволить себе дать мне чек на тысячу фунтов. Мне было досадно, что я не попросил в десять раз больше. Но откуда вообще взялись эти деньги? Я продолжал изумленно смотреть на послание, не зная, что сказать, а затем, взяв себя в руки, заметил, все еще как бы пытаюсь освежить память:

— И позвольте мне посмотреть, я дал вам за это вексель на...

– Вы запомнили, мистер Этлбридж, – быстро ответил тот, – вы просто воспользовались нашим кредитом, уменьшив свой счет на эту сумму!

– Так и было, – ответил я, на вид вполне удовлетворенный. – Моя память иногда так ужасающе плоха, что я забываю не только суммы, но и способ оплаты.

Затем, вспомнив, что у Торренса, несомненно, есть здесь еще один счет, я решил сделать еще одну попытку выяснить его размер перед отъездом. Вопрос оказался не таким сложным, как другие.

– Кстати, будьте добры, скажите мне, каков мой баланс на сегодняшний день, здесь, у вас.

Перелистали большие книги, и через минуту мне сообщили, что у моего брата еще более ста тысяч фунтов стерлингов в банке этой компании "Уайтхаус, Морс и Планкет". Я был поражен. Вместо того чтобы разгадать тайну, я только еще глубже погрузился в трясину. Здесь был практически безграничный кредит. Банковский счет, достойный короля. Я не мог показать своего изумления, поэтому на минуту отвернулся, пытаясь собраться с мыслями. Смогу ли я покинуть это место, не задав еще один вопрос? Я решил рискнуть и добавил:

– Извините, что снова беспокою вас, но будьте добры, расскажите мне, как был сделан мой последний депозит у вас.

– Большой партией ваших собственных векселей, мистер Этлбридж, на известных банкиров в Париже, Берлине, Ве-

не, Санкт-Петербурге, Константинополе, Мюнхене, Риме, Неаполе, Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Филадельфии, Сан-Франциско и других городах. У нас здесь есть полный список банкиров, если вы захотите с ним ознакомиться; кстати, я забыл упомянуть, что несколько векселей были выставлены на лондонские компании, о чем вы, несомненно, помните. Кроме того, нельзя забывать, что несколько тысяч фунтов были выплачены нами наличными!

– Верно! – сказал я и, поспешно повернувшись, покинул это место, радуясь возможности уйти. Очевидно, все векселя моего брата были оплачены, иначе остаток не прошел бы по его кредиту.

Я бродил по улице, как во сне. Я не видел ни малейшего шанса решить эту проблему, кроме как через самого Торренса; но я не мог спросить его, а если бы и спросил, то не имел оснований ожидать ответа. Нет, я должен ждать дальнейшего развития событий. Что-то обязательно должно было выясниться. Насколько мне было известно, у моего брата был почти миллион долларов на счету в Нью-Йорке и Лондоне, и, судя по тому, что я слышал, было вполне вероятно, что у него есть еще много денег в других местах.

Глава VII

По истечении шести недель воздушный корабль был еще далек от завершения. Подрядчики разочаровали, заказы на материалы не были выполнены, и было установлено только два элемента корпуса. Поскольку Торренс относился ко всему добродушно, он не испытывал серьезного беспокойства, хотя считал своим долгом продвигать работу как можно быстрее, надеясь совершить пробный полет в начале весны. Задуманное было сложно в исполнении, более деликатные части механизма требовали труда самых искусных рабочих и постоянного контроля моего брата. Он проводил в Грей-всенде весь день, а иногда и ночь, тем временем наши расходы у Мустафы продолжали оставаться на прежнем непомерном уровне. Апартаменты были сняты на неопределенный срок, и хозяин не мог не пожалеть о том, что потеряет нас, поскольку мы, вероятно, тратили вдвое больше денег, чем десяток его лучших гостей. Конечно, главным бенефициаром всей этой роскоши была я, поскольку Торренс очень редко бывал здесь, но этот факт его ничуть не беспокоил.

По истечении двух месяцев не было никаких перспектив достроить судно в течение ближайшего времени, поскольку возникли новые сложности и новые технические трудности; тем не менее, все шло хорошо, и первые теплые весенние дни, вероятно, позволят подготовить его к старту.

В мои планы не входит описывать нашу жизнь в течение этой зимы и последующей весны в большом мегаполисе. Для вышеупомянутых целей достаточно сказать, что это был период исключительной расточительности и несколько двусмысленных удовольствий, если учесть, каких огромных сумм стоили эти удовольствия. Куда бы мы ни поехали, на нас смотрели как на крупных американских миллионеров; людей, чьи карманы не имели дна, а банковские счета были бездонны. Мои попытки вычислить гусыню, несущую золотые яйца, оставались бесплодными, и если я все еще сомневался в правильности выбранных правил, то, насколько я мог судить, никто другой в этом не усомнился. Время шло, и Торренс иногда проявлял раздражение по поводу вынужденных задержек, хотя то, что он собирался делать с судном после завершения работ, было тайной. В то время я смотрел на него как на средство достижения богатства, если не славы, но теперь, когда в нашем распоряжении было огромное состояние, он казался еще более озабоченным этой машиной, чем когда-либо. Не раз я всерьез подумывал о том, чтобы покинуть его, опасаясь какого-то ужасного развития наших дел, в котором я мог бы оказаться замешанным, но когда я заговаривал о расставании, он выглядел обиженным, и я оставался.

Все это время мы находились в самом центре модной жизни, постоянно развлекаясь и веселясь. Если Торренс и играл в азартные игры, то не очень активно, так что он никогда не

выигрывал и не проигрывал значительных сумм. Все усилия были направлены на то, чтобы сохранить замысел воздушного корабля в тайне, и рабочие были так тщательно заморочены, что когда наступила весна, было очень сомнительно, что кто-нибудь из них знал, что это такое, и, к счастью, старый мистер Уэтерби был так измучен ревматизмом, что не выходил из дома. Думаю, общее впечатление было таково, что это новый вид торпедного катера, хотя некоторые считали, что это пассажирская подводная лодка. В рабочее время сарай держали наглухо закрытым, и у внешнего мира было мало шансов догадаться, что в нем находится.

К середине мая все было почти завершено, и по возросшему беспокойству брата я видел, что его надежды скоро либо оправдаются, либо пойдут прахом. Когда я невинно поинтересовался, уверен ли он в том, что судно поднимется, это было неудачное замечание. Он ответил утвердительно, но сразу после этого стал угрюмым и не в духе. В нескольких случаях я был уверен, что слышал, как он разговаривал с матросом в поздний час, хотя больше никогда не смотрел в замочную скважину. Однажды, когда разговор был особенно оживленным, я, признаться, прислушался, но всего на несколько минут, и с неудачным результатом, так как мало что понял из сказанного. Именно в ответ на какое-то замечание моего брата мужчина ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.